

Научная статья

УДК 39:314.7

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-5-156-167

Коренные тюркоязычные народы и урбанизация Южной Сибири (XX – начало XXI века)

Василий Владимирович Николаев

Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

nikolaevvv06@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6834-2961>

Аннотация

Обобщены результаты исследований по истории формирования городского населения среди коренных народов Южной Сибири (алтайцев, кумандинцев, теленгитов, телеутов, тубаларов, тувинцев, тувинцев-тоджинцев, хакасов, челканцев, шорцев). Новизну работы определяют комплексная характеристика процессов урбанизации, выделение ее этапов, темпов, причин и основных факторов. Источниковой базой исследования были материалы Всесоюзных (1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг.) и Всероссийских (2002, 2010, 2020 гг.) переписей населения. Выделены три этапа урбанизации коренных народов макрорегиона. На начальном этапе урбанизации административный и образовательный факторы играли определяющую роль. Промышленное освоение региона в середине XX в. обусловило интенсификацию урбанизации на следующем этапе. На последнем этапе определяющую роль имеют образовательные стратегии. Особенности формирования городского населения у коренных народов Южной Сибири являются: асинхронность урбанизации; ориентированность миграций аборигенов на ближайшие города и поселки городского типа; незавершенность урбанизации не только по качественным, но и по количественным характеристикам. За исключением шорцев и кумандинцев (по данным на 2002 г.), коренные народы региона остаются слабо- и среднеурбанизированными.

Ключевые слова

алтайцы, кумандинцы, теленгиты, телеуты, тубалары, тувинцы, тувинцы-тоджинцы, хакасы, челканцы, шорцы, Южная Сибирь, урбанизация, миграция

Благодарности

Работа выполнена в рамках программы НИР, проект № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI вв. Исследования меняющейся роли традиционных культур, социальных институтов и экологических парадигм»

Для цитирования

Николаев В. В. Коренные тюркоязычные народы и урбанизация Южной Сибири (XX – начало XXI века) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 5: Археология и этнография. С. 156–167. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-5-156-167

Indigenous Turkic-Speaking Peoples and the Urbanization of Southern Siberia (20th – Early 21st Century)

Vasily V. Nikolaev

Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

nikolaevvv06@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6834-2961>

Abstract

Purpose. This article integrates studies relating to the history of urban communities of the Southern Siberian indigenous peoples (Altaians, Chelkans, Khakasses, Kumandins, Shors, Telengits, Teleuts, Tozhu Tuvans, Tubalars, Tuvans). A multidisciplinary approach to urbanization processes was used; their stages, rates, causes, and principal characteristics

© Николаев В. В., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 5: Археология и этнография. С. 156–167

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 156–167

were analyzed. The database consists of our own field findings, published results of sociological studies, and those of All-Union and All-Russian population censuses.

Results. During the 19th century, the prerequisites for the urbanization of the indigenous Turkic-speaking peoples of Southern Siberia were laid. There are three stages of urbanization of the indigenous peoples of Southern Siberia: 1) up to the middle of the twentieth century; 2) the 1950s–1980s (for the Shorians it is 1930s–1980s); 3) from the 1990s to the present. At the first stage of urbanization representatives of the indigenous population of the region moved to the city mainly in order to improve the level of education and within the framework of the policy of forming national personnel. At the next stage, during the period of industrial development of the eastern regions, there was an intensification of urbanization among a number of peoples (Shors, Teleutes and Kumandins) who lived near industrial centers. Industrial development was accompanied, among other things, by the transfer of rural settlements to urban ones, as well as the absorption of villages during the expansion of urban boundaries; since the 1990s, the reverse process began. At the last stage, educational strategies play a decisive role. The liquidation of unpromising villages in the middle of the 20th century affected primarily small populations, contributing to the growth of migration to cities. Cities are beginning to attract representatives of indigenous small-numbered peoples (Telengites, Tubalars, Chelkans and since the 2010s Tuvians-Todzhins), whose territory of traditional residence is located at a considerable distance from large settlements. The share of townspeople among Altaians, Tuvians and Khakas during the 20th century grew gradually, which was associated with a relatively less intensive industrial development of their territories of residence.

Conclusion. The peculiarities of urban population formation among the indigenous peoples of Southern Siberia are: asynchrony of urbanization; orientation of Aboriginal migrations to the nearest cities and urban-type settlements; incompleteness of urbanization not only in terms of qualitative, but also quantitative characteristics. With the exception of the Shors and Kumandins, the rest of the indigenous peoples of the region remain poorly and medium-urbanized.

Keywords

Altaians, Chelkans, Khakasses, Kumandins, Shors, Telengits, Teleuts, Tozhu Tuvans, Tubalars, Tuvans, Southern Siberia, urbanization, migration

Acknowledgements

The work was carried out within the framework of the research project of IAET SB RAS no. FWZG2022-0001 “Ethnocultural diversity and social processes of Siberia and the Far East of the 17th – 21st centuries”

For citation

Nikolaev V. V. Indigenous Turkic-Speaking Peoples and the Urbanization of Southern Siberia (20th – Early 21st Century). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 156–167. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-5-156-167

Введение

Последние десятилетия характеризуются нарастающими темпами модернизации, глобализации, а также урбанизации, в которые вовлекаются самые отдаленные и труднодоступные территории, где проживают преимущественно сообщества, еще сохраняющие в той или иной степени традиционный уклад. Сокращение территорий компактного проживания коренного населения, их перемещение в крупные населенные пункты – в районные центры и города – осталось за пределами внимания этнографов, традиционно интересующихся сельскими сообществами, а также демографов и историков, игнорирующих в своих исследованиях небольшие по численности аборигенные сообщества Сибири и Дальнего Востока.

Впервые интерес к урбанизации коренных народов Сибири был обозначен в работах историков конца XIX – начала XX в. Рассматривая историю сибирских городов и структуру их населения, И. В. Турчанинов, Г. И. Потанин и др. обращали внимание на этнический состав городских поселений [ССЭ, 1929, с. 717–724].

В статье 1977 г. О. Р. Будина и М. Н. Шмелева отмечали: «Город и городское население в целом были включены в сферу этнографических исследований в основном со второй половины 1960-х гг. Одним из интересных аспектов городской этнографии продолжает оставаться изучение особенностей формирования городского населения» [Будина, Шмелева, 1977, с. 26]. М. Г. Рабинович и М. Н. Шмелева [1981] одними из первых разработали проект программы этнографического изучения городов. Качественными показателями урбанизации, по мнению исследователей, является уровень образования и социальной мобильности. Промышленное освоение, широко развернувшееся на востоке страны с 1950-х гг. и затронувшее территории традиционного проживания коренного населения, сопровождалось развертыванием разноплановых научных обследований, включая исследования коренных сообществ в контексте происходящих социально-экономических трансформаций, в том числе процессов урбанизации [Про-

грамма..., 1987]. На протяжении конца 1970-х – начала 1990-х гг. на территории расселения коренных народов Севера проводились масштабные этносоциологические обследования, в том числе урбанизационных процессов: нанайцев, нивхов, эвенков, эвенов и якутов, хантов, манси и ненцев и др. (см.: [БАМ..., 1979; Бойко, 1973; Бойко, 1977; Мархинин, Удалова, 1993] и др.). Коренные народы Южной Сибири не стали объектом исследования как в силу более раннего (например, Кемеровская обл.), так и сравнительно слабого (например, совр. Республика Алтай) промышленного освоения территорий их традиционного проживания. Уже в этих первых исследованиях по коренным народам Сибири и Дальнего Востока урбанизация понималась широко, не только как процесс перемещения людей из сельской местности в город, но и как распространение городского образа жизни за пределами города. Отмечался противоречивый характер урбанизации в среде коренных народов: с одной стороны, она была связана с ростом значения городов в их жизни, а с другой – обостряла социально-экономические и этнокультурные проблемы.

В рамках оформившейся к началу XXI в. субдисциплины антропологии города развиваются разнонаправленные исследования, касающиеся как историко-этнографической проблематики, так и проблем идентичности и социокультурного развития городских сообществ, миграционных и этнодемографических процессов и др. [Пивнева, 2017; Стась, 2017; 2020]. Интересы современных исследователей ограничиваются 1990–2010-ми гг. [Боргоякова, Гусейнова, 2021; Бреславский, 2019; Кан, 2016; Каташев, 2010; Кривоногов, 2011; Лавряшина и др., 2014; Тиникова, 2018]. Комплексные сравнительные исследования, раскрывающие сущность урбанизационных процессов коренных народов Южной Сибири, отсутствуют, что определяет новизну и актуальность данной работы.

Целью настоящего исследования стало определение этапов, уровня и темпов урбанизации коренных тюркоязычных народов Южной Сибири (алтайцев, кумандинцев, теленгитов, телеутов, тубаларов, тувинцев, тувинцев-тоджинцев, хакасов, челканцев и шорцев) в течение XX – начале XXI в., а также причин и последствий их миграции в город. Источниковой базой исследования были материалы Всесоюзных (1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг.) и Всероссийских (2002, 2010 и 2020 гг.) переписей населения.

Методологической базой исследования стала концепция урбанизационного перехода [Сенявский, 2003]. Методика исследования была разработана под руководством В. И. Бойко, апробирована в ходе реализации целевой комплексной программы «Социальное и экономическое развитие народностей Севера» и включала интервьюирование, социологические опросы, обработку значительного массива статистической информации. В работе будут использованы определения: слабоурбанизированный (т. е. менее 25 % горожан), среднеурбанизированный (от 25 до 50 %) и высокоурбанизированный (более 50 %). Урбанизация определяется Ю. Л. Пивоваровым как «исторический процесс повышения роли городов, городского образа жизни и городской культуры в развитии общества, связанный с пространственной концентрацией деятельности в сравнительно немногочисленных центрах и ареалах преимущественного социально-экономического развития» [Пивоваров, 1999, с. 16]. В рамках данной работы в центре внимания будут количественные параметры урбанизации коренных народов Южной Сибири. Дальнейшее рассмотрение качественных параметров является перспективой исследования.

Результаты исследования

Современные сибирские города возникли в ходе расширения на восток российского политического и торгово-промышленного влияния. В 1897 г. горожане Сибири составляли 327 860 чел. – 9,2 % от всего населения. Самыми крупными были города Томск (52 210 чел.) и Иркутск (51 473 чел.). В городах Бийского и Кузнецкого округов Томской губернии проживало 163 «коренных тюрка», т. е. представителей коренного тюркоязычного населения, а в городах Ачинского и Минусинского округов Красноярской губернии – 237 «коренных тюрков» [Патканов, 1911, с. 130, 322]. По мнению В. И. Исупова, в это время обозначилась новая тенденция: «протоурбанизация», характеризовавшаяся появлением экономических, транспортных

и иных функций у сибирских городов [Исупов, 2018, с. 12]. Русские преобладали среди городских жителей, составляя 87,9 % от их общей численности [ССЭ, 1929, с. 702, 703].

Предпосылками урбанизации коренных народов Южной Сибири являлись: формирование городских поселений в пределах территорий их традиционного расселения, адаптивность традиционных культур, в первую очередь оседлых этнических сообществ, сопряженное с более интенсивными межкультурными контактами, а также процессы социальной трансформации под влиянием практик прозелитизма Русской православной церкви. Однако рост числа горожан среди коренных тюркоязычных жителей Южной Сибири до начала XX в. оставался незначительным. Напротив, особенности хозяйственной деятельности кочевых сообществ региона являлись сдерживающим фактором урбанизации, но не определяющим. В настоящее время среди слабоурбанизированных народов есть как кочевые, так и оседлые.

В 1920-е гг. с установлением советской власти в Южной Сибири процессы социальной трансформации продолжились в условиях формирующейся советской модели патернализма. В этот период значимыми оказались в первую очередь практики этнотерриториального районирования. Рост числа горожан из числа коренных народов в этот период определялся изменением статуса поселений в ходе образования национальных административных структур, в частности: Ойратской АО в 1922 г. (с 1948 г. – Горно-Алтайская АО), Горно-Шорского национального района в 1926 г., Хакасской АО в 1930 г., Тувинской АО в 1944 г. Их столицы получали статус города: Усть-Абаканское (совр. Абакан) в 1931 г., Улала (совр. Горно-Алтайск) в 1928 г. В городах-столицах этих автономий расширялся слой жителей из числа коренных народов – алтайцев, хакасов, шорцев и тувинцев. В этот период проводилась политика «коренизации» управленческого аппарата, формирования национальных кадров в культурно-просветительской и образовательных сферах [Баранцева, 2009, с. 27]. Подобные практики способствовали притяжению в города учащейся молодежи. В результате в 1926 г. в ходе Всесоюзной переписи населения в городе (в основном в Улале) проживали 1 089 алтайцев (2,7 % от общей численности), 492 хакаса (1,1 %) и 83 шорца (0,7 %) (см. таблицу). Присутствие представителей других тюркоязычных народов региона в городах было незначительным или совсем не было зафиксировано.

К следующей переписи 1939 г. ситуация кардинально изменилась, численность горожан выросла в несколько раз: алтайцы – 4 244 чел. (8,9 %), хакасы – 6 669 чел. (12,6 %), шорцы – 1 813 чел. (11,2 %). Остальные народы учитывались в составе алтайцев до 2002 г. Если урбанизация алтайцев и хакасов во многом определялась обозначенными выше факторами, то телеуты и шорцы с 1930-х гг. испытывали заметное влияние индустриального развития Кузбасса, сопровождавшееся резким увеличением числа городских поселений. Городские локации появлялись в границах расселения телеутов и шорцев: острог Кузнецк Сибирский был основан в 1618 г. (в 1931 г. преобразован в г. Новокузнецк), а в начале XX в. в Кузнецком уезде (Кемеровской обл. с 1948 г.) уже было известно 4 города, к концу 1930-х гг. – 12. В 1939 г. более половины населения региона проживало в городах [Исупов, 2018, с. 16]. Форсированное экономическое развитие региона оценивалось историками как квазиурбанизация [Исупов, 2012, с. 468], при этом коренное население оставалось преимущественно сельским, хотя часть их поселений располагалась вблизи новых городов. Постепенное расширение городских локаций приводило к поглощению телеутских и шорских сельских поселений, а их жители становились горожанами.

Масштабный характер индустриализация приобрела в послевоенные годы, обусловив второй этап урбанизации коренного населения Южной Сибири. Учитывая, что численность коренного населения была «совершенно недостаточной» для решения задач индустриального развития восточных регионов, было принято решение о «принудительном переселении и “укрупнении”» в совхозы [Слезкин, 2008, с. 383, 385]. Основные мероприятия были проведены в 1950–1960-е гг., когда происходило преобразование колхозов в совхозы, население перемещалось из «неперспективных» деревень в крупные сёла, происходил упадок традиционного хозяйства

Динамика показателей урбанизации коренных народов Южной Сибири
по данным Всесоюзных и Всероссийских переписей (1926–2010 гг.)*

Dynamics of indicators of urbanization of the indigenous peoples of Southern Siberia
according to the All-Union and All-Russian censuses (1926–2010)

Коренные народы Южной Сибири			Год переписи населения								
			1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2020
Алтайцы	всего, чел.		40 600	47 867	45 270	55 812	60 015	70 777	67 239	67 380	70 485
	в том числе городское	чел.	1 089	4 244	4 805	8 229	10 928	13 630	13 897	16 027	18 973
		%	2,7	8,9	10,6	14,7	18,2	19,3	20,7	23,8	26,9
Кумандинцы	всего, чел.		6 335	...	...	...	...	...	3 114	2 892	2 456
	в том числе городское	чел.	8	...	...	...	...	...	1 704	1 400	1 042
		%	0,1	...	...	...	...	...	54,7	48,4	42,4
Теленгиты	всего, чел.		3 415	...	...	...	...	...	2 399	3 712	2 916
	в том числе городское	чел.	0	...	...	...	...	...	115	300	543
		%	0	...	...	...	...	...	4,8	8,1	18,6
Телеуты	всего, чел.		1 898	...	...	...	...	...	2 650	2 643	2 241
	в том числе городское	чел.	7	...	...	...	...	...	1 142	1 198	974
		%	0,4	...	...	...	...	...	43,1	45,3	43,5
Тубалары	всего, чел.		12	...	...	...	...	...	1 565	1 965	3 675
	в том числе городское	чел.	0	...	...	...	...	...	150	357	896
		%	0	...	...	...	...	...	9,6	18,2	24,4

Окончание таблицы

Коренные народы Южной Сибири			Год переписи населения								
			1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2020
Тувинцы	всего, чел.		...	...	100 145	139 388	166 082	206 629	243 442	262 076	288 106
	в том числе городское	чел.	...	...	8 988	23 879	37 327	65 983	107 850	129 031	151 768
		%	...	...	9,0	17,1	22,5	31,9	44,3	49,2	52,7
Тувинцы- тоджинцы	всего, чел.		...	...	...	...	...	...	4 442	1 858	7 293
	в том числе городское	чел.	...	...	...	...	...	...	7	4	121
		%	...	...	...	...	...	...	0,2	0,2	1,7
Хакасы	всего, чел.		45 608	52 771	56 584	66 725	70 776	80 328	75 622	72 959	61 365
	в том числе городское	чел.	492	6 669	10 738	17 142	24 850	34 736	32 743	31 572	23 172
		%	1,1	12,6	19,0	25,7	35,1	43,2	43,3	43,3	37,8
Челканцы	всего, чел.		...	...	...	...	...	...	855	1 181	1 314
	в том числе городское	чел.	...	...	...	...	...	...	135	231	344
		%	...	...	...	...	...	...	15,8	19,6	26,2
Шорцы	всего, чел.		12 601	16 265	15 274	16 494	16 033	16 652	13 975	12 888	10 581
	в том числе городское	чел.	83	1 813	6 455	8 430	10 626	12 293	9 939	9 353	7 236
		%	0,7	11,2	42,3	51,1	66,3	73,8	71,1	72,6	68,4

* Сост. по: Переписи населения Российской империи, СССР, 15 новых независимых государств // Демоскоп. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census_types.php?ct=6 (дата обращения: 06.07.2023); Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Т. 5. Национальный состав и владение языками. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_porul (дата обращения: 06.07.2023). Численность алтайцев и тувинцев в 2010 и 2020 гг. указана без учета в их составе теленгитов, тубаларов, челканцев и тувинцев-тоджинцев соответственно.

вследствие промышленного освоения. Это способствовало переезду молодежи в близлежащие города и административные столицы (см., например: [Баева, Макошев, 1994, с. 12]). Помимо Кемеровской области относительно активно развивалась промышленность в Алтайском крае, в частности в г. Бийске, притягивавшем кумандинцев, и позднее в г. Заринске, поглотившем телеутскую дер. Крутая.

Рост абсолютных и относительных показателей урбанизации у алтайцев, тувинцев и хакасов отчасти был связан с индустриальным освоением, сопровождавшимся искусственным преобразованием крупных сельских поселений близ месторождений полезных ископаемых в поселки городского типа (пгт). Строительство промышленных объектов в отдаленных уголках Южной Сибири сопровождалось развитием транспортной инфраструктуры. Как следствие, города становились «ближе», привлекая более высоким уровнем жизни. В то же время качественно менялись условия жизни в селе, косвенно подталкивая коренных жителей к переезду в город. Так, информированность сельских хакасов о городе, по данным на начало XXI в., формировалось как за счет собственного опыта проживания в городе в период получения образования или работы, так и из общения с близкими родственниками [Кривоногов, 2011, с. 22].

Наиболее интенсивно развивалась промышленность в Кемеровской области, следствием чего стал рост численности горожан среди шорцев, достигнув в 1959 г. 6 455 чел. (42,3 %) и продолжая расти в последующие десятилетия. По данным анкетного опроса, в 1960–1970-е гг. значительная часть кумандинцев переехала в город [Николаев, Назаров, 2021, с. 151]. Рост численности горожан среди алтайцев, тувинцев и хакасов был плавным (см. таблицу). Рабочая и учебная миграции во второй половине XX в. стали ведущими факторами урбанизации. Урбанизация коренного населения заметно отличалась от общерегиональных трендов. Демографы отмечали, что основной рост миграции сельских жителей в города на территории Западной Сибири пришелся на 1959–1963 гг.¹

Юридическое закрепление статуса коренных малочисленных народов, сопровождавшееся комплексом законодательных мер, обозначавших перспективы преференций для малых этнических сообществ, обусловили начало следующего этапа урбанизации с 1990-х гг. Появление и перспектива расширения государственной поддержки коренных народов способствовали резким изменениям их численности в последние десятилетия. В этот период этнический фактор (смена этнической идентичности) стал определяющим в изменении численности коренного населения, в том числе городского (подробнее об этом см.: [Богоявленский, 2012]). Это было связано с более интенсивными темпами ассимиляции в городах и наличием сравнительно большого количества потомков от смешанных браков с флуктуирующей идентичностью. В эти годы заметно расширяется география расселения автохтонов. Освоившись в первом поколении в ближайших к традиционным территориям проживания городах, во втором поколении они мигрируют за пределы административных границ того или иного региона. Одновременно происходило изменение административных статусов населенных пунктов. Часть поселков городского типа потеряла свой статус, став сельскими поселениями; расширялись границы городских поселений. Вследствие всех вышеперечисленных обстоятельств статистические данные от переписи к переписи существенно колебались. Упоминаемые в исследованиях [Кан, 2016, с. 57] причины миграции из села в город (высокая безработица, низкое качество образовательных и медицинских услуг, слабое развитие сферы досуга и отдыха и в целом стихийный характер переезда из села в город) скорее имеют частный, второстепенный характер.

В ходе проведения Всероссийской переписи населения 2002 г. впервые с 1926 г. ряд народов учитывался самостоятельно. По данным на 2002 г., урбанизационный переход совершили шорцы (9 939 чел., или 71,1 %) и кумандинцы (1 704 чел., или 54,7 %). Во многом в силу перераспределения территорий между городскими и сельскими муниципалитетами в 2010 г. численность горожан среди кумандинцев резко сократилась до 1 400 чел. (48,4 %), а у шорцев су-

¹ См.: Смирнов-Черкезов А. Переселенцы и экономисты // Демоскоп Weekly. URL: <http://demoscope.ru/weekly/knigi/perevedencev/stati/05.pdf> (дата обращения 27.05.2023).

шественно колебались показатели: снижение абсолютных данных (9 353 чел.) в условиях роста относительных (72,6 %). Привлечение материалов переписи 2020 г. позволяет говорить об устойчивости тренда сокращения численности горожан – кумандинцев и шорцев, в основном вследствие ассимиляции. Возвращение некоторых бывших городских жителей в сельскую местность у кумандинцев и шорцев не оказывает значительного влияния на итоговые показатели. Данные переписей 2002 и 2010 гг. по телеутам позволяют утверждать, что интенсивная урбанизация для них была характерна в прошлые десятилетия, а данные за 2020 г. обозначают перспективы будущего сокращения численности горожан, как у их соседей – кумандинцев и шорцев. Абсолютные и относительные показатели горожан – алтайцев, тувинцев и хакасов в эти годы менялись незначительно. Лишь у хакасов фиксируется сокращение численности городского населения вследствие преобразования целого ряда городских поселений в сельские на протяжении 2000–2010-х гг. (пгт Жемчужный, Коммунар, Копьево, Приисковский, Туим, Шира).

Теленгиты, тубалары и челканцы только вступили на путь урбанизации, к 2020 г. достигнув следующих показателей: 543 чел. (18,6 %), 896 чел. (24,4 %) и 344 чел. (26,2 %) соответственно проживало в городах. Теленгиты в 2000–2010 гг. прошли наиболее интенсивный этап урбанизации. Самым слабоурбанизированным коренным народом не только Южной Сибири, но и в целом Сибири и Дальнего Востока являются тувинцы-тоджинцы: в 2020 г. – 121 чел. (1,7 %), в 2010 г. – 4 чел. (0,2 %) являлось горожанами. В то же время темпы урбанизации тувинцев-тоджинцев высокие. За межпереписной период абсолютные показатели увеличились более чем в 30 раз, а относительные – в 8. Данные народы проживали в отдалении от городов, где была слабо развита инфраструктура и не было значимых промышленных объектов. Рост числа горожан у них определяется учебной миграцией молодежи. Среди высокоурбанизированных народов (например, кумандинцев) в большей степени распространено перемещение в город представителей старшего поколения к родственникам. В целом наличие родственников в городе является важным условием адаптации вновь прибывших.

Заключение

Таким образом, в течение XIX в. закладывались предпосылки урбанизации коренных тюркоязычных народов Южной Сибири. Выделяются три этапа урбанизации коренных народов Южной Сибири: до середины XX в., 1950–1980-е гг. (для шорцев 1930–1980-е гг.), с 1990-х гг. по настоящее время. На первом этапе урбанизации представители коренного населения региона перемещались в город в основном в целях повышения уровня образования и в рамках политики формирования национальных кадров. На следующем этапе в период индустриального развития восточных регионов происходила интенсификация урбанизации у ряда народов (шорцы, телеуты и кумандинцы), проживавших вблизи промышленных центров. Промышленное освоение сопровождалось в том числе переводом сельских населенных пунктов в городские, а также поглощением деревень в ходе расширения городских границ; с 1990-х гг. начался обратный процесс. На последнем этапе определяющую роль играют образовательные стратегии. Ликвидация неперспективных сёл в середине XX в. затронула в первую очередь небольшие по численности народы, способствуя росту миграции в города. Города начинают притягивать представителей коренных малочисленных народов (теленгиты, тубалары, челканцы и с 2010-х гг. тувинцы-тоджинцы), территория традиционного проживания которых находится на значительном удалении от крупных населенных пунктов. Доля горожан у алтайцев, тувинцев и хакасов в течение XX в. росла постепенно, что было связано со сравнительно менее интенсивным промышленным освоением территорий их проживания. Мигранты первого поколения были ориентированы на близлежащие города или столицы своих регионов.

Для большинства коренных тюркоязычных народов региона процесс урбанизации не завершен. Они остаются слабо- и среднеурбанизированными народами. У кумандинцев, телеутов и шорцев в последние десятилетия вследствие ассимиляции началось сокращение абсолютных и относительных показателей урбанизации, что позволяет говорить о завершенности данного процесса в плане количественных характеристик.

Список литературы

- Баева Л. Н., Макошев А. П.** Экономическая и социальная география Республики Алтай. Горно-Алтайск: Юг-Сюмер, 1994. 120 с.
- БАМ и народы Севера. Новосибирск: Наука, 1979. 176 с.
- Баранцева Н. А.** Хакасы: особенности этносоциальных процессов в контексте формирования государственности в 1920-е гг. // Изв. АлтГУ. 2009. № 4–3. С. 23–28.
- Богоявленский Д. Д.** Перепись 2010: этнический срез // Демоскоп. 2012. № 531–532. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0531/tema02.php> (дата обращения 18.05.2023).
- Бойко В. И.** Опыт социологического исследования проблем развития народов Нижнего Амура. Новосибирск: Наука, 1973. 211 с.
- Бойко В. И.** Социальное развитие народов Нижнего Амура. Новосибирск: Наука, 1977. 278 с.
- Боргоякова Т. Г., Гусейнова А. В.** Двужычие и языковые установки жителей республик Южной Сибири в условиях урбанизации // Сибирский филологический форум. 2021. № 4. С. 4–19. DOI 10.25146/2587-7844-2021-16-4-88
- Бреславский А. С.** Урбанизация в республиках Южной Сибири: динамика ключевых параметров (1989–2019) // Урбанистика. 2019. № 1. С. 58–67. DOI 10.7256/2310-8673.2019.1.29217
- Будина О. Р., Шмелева М. Н.** Этнографическое изучение города в СССР // СЭ. 1977. № 6. С. 23–34.
- Исупов В. А.** Квазиурбанизация в сталинской стратегии модернизации Сибири: конец 1920-х – конец 1930-х гг. // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск: Байкальский государственный университет экономики и права, 2012. С. 464–468.
- Исупов В. А.** Урбанизация Западной Сибири: взгляд историка // ЭКО. 2018. № 7. С. 7–22.
- Кан В. С.** Этносоциальный профиль тувинцев // Новые исследования Тувы. 2016. № 2. С. 52–72.
- Каташев М. С.** Особенности демографического развития Республики Алтай в 1990–2015 годы // Республики на востоке России: траектории экономического, демографического и территориального развития. Улан-Удэ, 2010. С. 131–141.
- Кривоногов В. П.** Хакасы в начале XXI века: современные этнические процессы. Абакан: Хак. кн. изд-во, 2011. 249 с.
- Лавряшина М. Б., Поддубиков В. В., Ульянова М. В., Дружинин В. Г., Осипов К. И.** Особенности демографического развития сообществ коренных малочисленных этносов высокоурбанизированных территорий (на примере Кемеровской области, РФ) // Малочисленные этносы в пространстве доминирующего общества: практика прикладных исследований и эффективные инструменты этнической политики. Кемерово: Практика, 2014. С. 225–236.
- Мархинин В. В., Удалова И. В.** Этнос в ситуации выбора будущего. По материалам социологического исследования образа жизни хантов, ненцев, манси Нижневартовского района Ханты-Мансийского автономного округа. Новосибирск: Наука, 1993. 205 с.
- Николаев В. В., Назаров И. И.** Урбанизация коренного населения Алтая в XX – начале XXI века (на примере кумандинцев города Бийска) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20. № 3: Археология и этнография. С. 149–162. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-3-149-162
- Патканов С.** Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). СПб., 1911. Т. 2: Тобольская, Томская и Енисейская губ. 431 с
- Пивнева Е. А.** Северный город как этнографическое поле: поиск новых измерений // Поле как жизнь: к 60-летию Северной экспедиции ИЭА РАН. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 225–239.
- Пивоваров Ю. Л.** Основы геоурбанистики: Урбанизация и городские системы. М.: ВЛАДОС, 1999. 231 с.
- Программа координации исследований «Взаимодействие научно-технического и социального прогресса: общее и особенное (гуманитарный аспект)». Новосибирск: Б. и., 1987. 268 с.

- Рабинович М. Г., Шмелева М. Н. К этнографическому изучению города // СЭ. 1981. № 3. С. 29–34.
- Сенявский А. С. Урбанизация России в XX веке. М.: Наука, 2003. 286 с.
- ССЭ – Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск: Сиб. краев. изд-во, 1929. Т. 1. 524 с.
- Слезкин Ю. Л. Арктические зеркала России и малые народы Севера. М.: НЛЮ, 2008. 512 с.
- Смирнов-Черкезов А. Переселенцы и экономисты // Демоскоп Weekly. URL: <http://demoscope.ru/weekly/knigi/perevedencev/stati/05.pdf> (дата обращения 27.05.2023).
- Стась И. Н. Этничность в процессе урбанизации России: современная историография проблемы // Проблемы и перспективы социально-экономического и этнокультурного развития коренных малочисленных народов Севера. Ханты-Мансийск: Формат, 2017. С. 246–256.
- Стась И. Н. Исследования городских идентичностей в исторической урбанистике Сибири // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8, № 5. С. 1807–1821.
- Тинникова Е. Е. Трансформация городского расселения в национальных республиках Южной Сибири в середине XX – начале XXI века // Новые исследования Тувы. 2018. № 4. С. 235–257.

Список источников

- Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Т. 5. Национальный состав и владение языками. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения 06.07.2023).
- Переписи населения Российской империи, СССР, 15 новых независимых государств // Демоскоп. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census_types.php?ct=6 (дата обращения 05.12.2022).

References

- Baeva L. N., Makoshev A. P. Ekonomicheskaya i sotsial'naya geografiya Respubliki Altai [Economic and social geography of the Altai Republic]. Gorno-Altaysk, Yug-Syumer, 1994, 120 p. (in Russ.)
- BAM i narody Severa [BAM and the peoples of the North]. Novosibirsk, Nauka, 1979. 176 p. (in Russ.)
- Barantzeva N. A. Khakasy: osobennosti etnosotsial'nykh protsessov v kontekste formirovaniya gosudarstvennosti v 1920-e gg. [Khakasses: peculiarities of ethno-social processes in the context of forming political system in 1920s]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta [Izvestiya of Altai State University]*, 2009, no. 4–3, pp. 23–28. (in Russ.)
- Bogoyavlensky D. D. Perepis' 2010: etnicheskii srez 2010 [Census: ethnic cross-section]. *Demoskop [Demoscope]*, 2012, no. 531–532. (in Russ.) URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0531/tema02.php> (accessed:18.05.2021).
- Boiko V. I. Opyt sotsiologicheskogo issledovaniya problem razvitiya narodov Nizhnego Amura [The experience of sociological research of the problems of development of the peoples of the Lower Amur]. Novosibirsk, Nauka, 1973, 211 p. (in Russ.)
- Boiko V. I. (ed.). Programma koordinatsii issledovaniy “Vzaimodeistviye nauchno-tekhnicheskogo i sotsialnogo progressa: Obshcheye i osobennoye (gumanitarniy aspekt)” [Research Coordination Program “Interaction of scientific, technical and social progress: general and special (humanitarian aspect)”]. Novosibirsk, 1987, 268 p. (in Russ.)
- Boiko V. I. Sotsialnoye razvitiye narodov Nizhnego Amura [Social development of the peoples of the Lower Amur]. Novosibirsk, Nauka, 1977, 278 p. (in Russ.)
- Borgoyakova T. G., Guseinova A. V. Dvuyazychie i yazykovye ustanovki zhitelei respublik Yuzhnoi Sibiri v usloviyakh urbanizatsii [Bilingualism and language attitudes of residents of the republics of Southern Siberia in the context of urbanization]. *Sibirskii filologicheskii forum [Siberian philological forum]*. 2021, no. 4, pp. 4–19. (in Russ.) DOI 10.25146/2587-7844-2021-16-4-88
- Breslavsky A. S. Urbanizatsiya v respublikakh Yuzhnoi Sibiri: dinamika klyuchevykh parametrov (1989–2019) [Urbanization in the Republics of Southern Siberia: Dynamics of key parameters (1989–2019)]. *Urbanistika [Urbanistics]*, 2019, no. 1, pp. 58–67. (in Russ.) DOI 10.7256/2310-8673.2019.1.29217

- Budina O. R., Shmeleva M. N.** Etnografi cheskoye izucheniye goroda v SSSR [Ethnographic study of the city in the USSR]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1977, no. 6, pp. 23–34. (in Russ.)
- Isupov V. A.** Kvaziurbanizatsiya v stalinskoj strategii modernizatsii Sibiri: konets 1920-kh – konets 1930-kh gg. [Quasi-urbanization in Stalin's strategy of modernization of Siberia: the end of the 1920s – the end of the 1930s]. In: *Irkutskii istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik* [Irkutsk Historical and Economic Yearbook]. Irkutsk, Baikal'skii gosudarstvennyi universitet ekonomiki i prava, 2012, pp. 464–468. (in Russ.)
- Isupov V. A.** Urbanization of the Western Siberia: in the eyes of an historian. *ECO*, 2018, no. 7, pp. 7–22. (in Russ.)
- Kan V. S.** Etnosotsial'nyi profil' tuvintsev [Ethnosocial profile of Tuvans]. *Novye issledovaniya Tuvy* [The new research of Tuva], 2016, no. 2, pp. 52–72. (in Russ.)
- Katashev M. S.** Osobennosti demograficheskogo razvitiya Respubliki Altai v 1990–2015 gody [Features of demographic development of the Altai Republic in 1990–2015]. In: *Respubliki na vostoke Rossii: traektorii ekonomicheskogo, demograficheskogo i territorial'nogo razvitiya* [Republics in the East of Russia: trajectories of economic, demographic and territorial development]. Ulan-Ude, 2010, pp. 131–141. (in Russ.)
- Krивonogov V. P.** Khakasy v nachale XXI veka: sovremennye etnicheskie protsessy [Khakas at the beginning of the 21st century: modern ethnic processes]. Abakan, Khakass Book Publ., 2011, 249 p. (in Russ.)
- Lavryashina M. B., Poddubikov V. V., Ulyanova M. V., Druzhinin V. G., Osipov K. I.** Osobennosti demograficheskogo razvitiya soobshchestv korennykh malochislennykh etnosov vysoko-urbanizirovannykh territorii (na primere Kemerovskoi oblasti, RF) [The features of demographic development of indigenous communities in high-degree urbanized territories (case of Kemerovo region, Russia)]. In: *Malochislennyye etnosy v prostranstve dominiruyushchego obshchestva: praktika prikladnykh issledovaniy i effektivnye instrumenty etnicheskoi politiki* [Native minorities in dominating society: practice of applied studies and efficient tools of ethnic policy]. Kemerovo, Praktika Publ., 2014, pp. 225–236. (in Russ.)
- Markhinin V. V., Udalova I. V.** Etnos v situatsii vybora budushchego: Po materialam sotsiologicheskogo issledovaniya obraza zhizni khantov, nentsev, mansi Nizhnevartovskogo rayona Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga [An ethnic group in a situation of choosing the future. Based on the materials of a sociological study of the lifestyle of the Khanty, Nenets, Mansi of the Nizhnevartovsk district of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug]. Novosibirsk, Nauka, 1993, 205 p. (in Russ.)
- Nikolaev V. V., Nazarov I. I.** Nikolaev V. V., Nazarov I. I. Urbanization of the Indigenous Peoples of Altai in the 20th – Early 21st Century (Based on the Example of the Kumandins of Biysk). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 149–162. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-3-149-162
- Patkanov S.** Statisticheskie dannye, pokazyvayushchie plemennoi sostav naseleniya Sibiri, yazyk i rody inorodtsev (na osnovanii dannykh spetsial'noi razrabotki materiala perepisi 1897 g.) [Statistical data showing the tribal composition of the population of Siberia, the language and genera of foreigners (based on data from a special development of the 1897 census material)]. St. Petersburg, 1911, vol. 2: Tobol'skaya, Tomskaya i Eniseiskaya gub., 431 p. (in Russ.)
- Pivneva E. A.** Severniy gorod kak etnograficheskoye pole: Poisk novykh izmereniy [The Northern city as an ethnographic field: the search for new dimensions]. In: *Pole kak zhizn: K 60-letiyu Severnoy ekspeditsii IEA RAN* [The field as life: to the 60th anniversary of the Northern expedition of the IEA RAS]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2017, pp. 225–239. (in Russ.)
- Pivovarov Yu. L.** Osnovy geourbanistiki: Urbanizatsiya i gorodskie sistemy [Fundamentals of Geo-Urbanism: Urbanization and Urban Systems]. Moscow, VLADOS Publ., 1999, 231 p. (in Russ.)
- Rabinovich M. G., Shmeleva M. N.** K etnograficheskomu izucheniyu goroda [To the ethnographic study of the city]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1981, no. 3, pp. 29–34. (in Russ.)

- Seniavsky A. S.** Urbanizatsiya Rossii v XX veke: Rol v istoricheskom protsesse [Urbanization of Russia in the 20th Century: Its Role in the Historical Process]. Moscow, Nauka, 2003, 286 p. (in Russ.)
- Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya [Siberian Soviet Encyclopedia]. Novosibirsk, Sib. krayev. izd., 1929, vol. 1, 524 p. (in Russ.)
- Slezkin Y. L.** Arkticheskie zerkala Rossii i malye narody Severa [Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North]. Moscow, Novoye lit. obozr. Publ., 2008, 512 p. (in Russ.)
- Stas I. N.** Etnichnost v protsesse urbanizatsii Rossii: Sovremennaya istoriografi ya problemy [Ethnicity in the Process of Urbanization of Russia: Modern Historiography of the Problem]. In: Problemy i perspektivy sotsialnoekonomicheskogo i etnokulturnogo razvitiya korennykh malochislennykh narodov Severa [Problems and Prospects of Socio-Economic and Ethno-Cultural Development of Indigenous Peoples of the North]. Khanty-Mansiysk, Format Publ., 2017, pp. 246–256. (in Russ.)
- Stas I. N.** Issledovaniya gorodskikh identichnostey v istoricheskoy urbanistike Sibiri [Studies of urban identities in historical Urbanistics of Siberia]. *Quaestio Rossica*, 2020, vol. 8, no. 5, pp. 1807–1821. (in Russ.)
- Tinikova E. E.** Transformatsiya gorodskogo rasseleniya v natsional'nykh respublikakh Yuzhnoi Sibiri v seredine XX – nachale XXI veka [Transformation of urban settlement in the national republics of Southern Siberia in the mid-20th to early 21st century]. *Novye issledovaniya Tuvy* [The new research of Tuva], 2018, no. 4, pp. 235–257. (in Russ.)

List of Sources

- Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2020 goda. vol. 5. Natsional'nyi sostav i vladenie yazykami. [Results of the All-Russian Population Census 2020. Vol. 5. National composition and language proficiency]. (in Russ.) URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (accessed: 06.07.2023).
- Perepisi naseleniya Rossiyskoy imperii, SSSR, 15 novykh nezavisimyykh gosudarstv [Population censuses of the Russian Empire, the USSR, 15 newly independent states]. In: Demoskop [Demoscope]. (in Russ.) URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census_types.php?ct=6 (accessed: 05.12.2020).

Информация об авторе

Василий Владимирович Николаев, кандидат исторических наук
Scopus Author ID 55939564400
WoS Researcher ID Q-3727-2016
RSCI Author ID 395976
SPIN 2192-8084

Information about the Author

Vasily V. Nikolaev, Candidate of Sciences (History)
Scopus Author ID 55939564400
WoS Researcher ID Q-3727-2016
RSCI Author ID 395976
SPIN 2192-8084

*Статья поступила в редакцию 14.07.2023;
одобрена после рецензирования 01.02.2024; принята к публикации 10.02.2024
The article was submitted on 14.07.2023;
approved after reviewing on 01.02.2024; accepted for publication on 10.02.2024*